

(камни есть, но они не познают), — но потому, что божественное понимание не может быть причиной всякого бытия, если оно само каким-то образом не является бытием. Не без оснований можно утверждать, что Экхарт никогда не менял своей точки зрения по этому вопросу. На протяжении всей своей научной и вероучительной карьеры он упорно утверждал, что Бог-Отец — это Понимание (мудрость), тогда как с Сыном он связывал Жизнь, а со Святым Духом — Бытие. В этом последнем приближении Экхарт — насколько это было для него возможно — следовал христианской традиции и позволял себе утверждать, что Бог есть бытие и бытие есть Бог. Но делал он это, помещая бы-

тие лишь на третье место во внутренних отношениях Троицы, оставляя за Поним^о ем первое место. Если и можно наблюдать *~ прогресс в рассуждениях Экхарта на данную тему, то он состоит, скорее, в конечном почитании самого понимания еще более в сокому пределу — Единому.

В проповеди Экхарта, попавшей в руки Николая Кузанского и прокомментированной им, его мысль выражена со всей ясностью которой только можно ожидать в этих предметах. Св. Павел в Послании к галатам (3:20) напомнил, что Бог един, — и это единство оставалось для Экхарта самым характерным свойством Бога. В этой проповеди он настойчиво развивал мысль, что единый и единство являются свойством и собственным признаком лишь одного интеллекта. Материальные сущности не вполне едины, потому что состоят из материи и формы; нематериальные и сверхчувственные сущности вовсе не являются едиными, так как представляют собой именно «сущности-интеллектуальные», то есть в которых «бытие» не тождественно «пониманию». Есть только чистое понимание, которое может быть чистым единством. Именно потому — одно и то же сказать: «Deus est intellectus se toto» и «Deus unus est»**.

Таким образом, мы получили наивысшие термины онтологии Экхарта. На вершине, само собой разумеется, пребывает христианская Троица. Как и все теологи, Экхарт различает в Боге единую сущность и три божественных Лица, но если глубоко вникнуть в используемые им термины, то мы заметим, что самый корень божественного существа — это не столько сама сущность, сколько его «чистота», которая есть единство. Там вершина и центр всего: неподвижное единство, покой, одиночество и отрешенность Божества. Понимаемая таким образом «божественность», *deitas*, пребывает, следовательно, над тремя божественными Лицами. Но видно, что «чистота» сущности, которая и есть ее единство, является в то же время Разумом (*Intellect*), потому что только Разум совершенно один. Полагать чистоту божественной сущ-

527

6. Умозрительный мистицизм

ЙОСТИ — значит полагать Разум, который есть Отец; с Ним мы переходим от покоя к внутреннему кипению божественных порождений и процессов — преамбулам сотворения. Таким образом, чистое Единство сущности проявляет свою отеческую плодovitость в «*germinando, spirando, creando, in omne ens tam creatum quam increatum*»*. Итак, правильно говорить согласно Символу веры Афанасия «единый Отец», но понимать его здесь следует согласно Экхарту: «*eo enim pater quo unus, et e converso eo unus quo pater*»**, ибо отцовство — это единство: «*et unitas paternitas est*». В самом деле, единство сущности — это само единство Разума, который порождает Жизнь, или Сына («*Quod factum est in ipso vita erat*»***), и от которого происходит бытие, или Святой Дух. Так мы снова находим в Троице августиновскую тройку, причем в том же порядке: *intelligere, vivere, esse*. Но не станем забывать о ее корнях у Экхарта: «*Deus tuus, Deus unus est, Deus Israel, Deus videns,*